

Дж. Александер

«ПРОЕКТ МАРКСИЗМА» В ИСТОРИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ*

Это эссе о «духе социализма» написано более четверти века назад. Его рукопись не публиковалась, и сегодняшней его вид не задумывался как окончательный. Я написал его в 1982 г. как набросок проекта книги — отсюда деление на «главы», а не на разделы. В 1980 г. я закончил многотомную «Теоретическую логику в социологии», и одним из эмпирических проектов, к которым я обратился после долгих упражнений в абстракции, стал анализ марксизма как культурного порядка (другим, также незавершенным, был проект «Уотергейт и кризис гражданского общества»).

Тогда, в начале 1980-х гг., перспективы демократических реформ в политике выглядели безрадостно. В Соединенных Штатах набирала обороты популярность президента Рейгана, а в мире вокруг, как казалось, неуклонно, если не фатально, нарастала опасность, связанная с холодной войной между антисоциальным капитализмом Запада и тоталитарным марксизмом Востока. Марксизм, превращавшийся в главную теоретическую силу на домашней почве, среди университетских дисциплин представал агрессивным соперником классической традиции социологии, за преобразование и сохранение которой я боролся.

Такова была среда, которая обусловила мой «проект марксизма». Я хотел показать, что марксистская традиция не обладает монополией на фундаментальную критику или на эгалитарные социальные реформы. Широкий масштаб религиозной истории, который я документирую ниже, позволял мне видеть в социологии Вебера раскрытие культурных истоков эгалитарного и критического проекта. Религиозная рационализация позволяет членству в общине быть распространенным на низшие

* Перевод выполнен по: Alexander J. The 'Marxism Project' in The History of Its Times // Thesis Eleven. 2010. No 100. February. P. 81–83. Печатается с разрешения: SAGE Publications Ltd., London, Los Angeles, New Delhi, Singapore and Washington DC.

классы, критике — обратиться против коррумпированной и недостойной власти, а несчастной судьбе — быть преодоленной с помощью разума, управляющего миром.

Эта радикальная и эгалитарная перспектива веберовской теории затемняется из-за мрачно пессимистического убеждения Вебера, что после того, как пуритане создали дух капитализма, культура уже ничего не значит. «Пуритане хотели работать по призванию», гласит знаменитая цитата классика, а «мы вынуждены это делать». Вебер полагает, что после раннего предпринимательского капитализма современность подвергается столь сильной рационализации — бюрократизации, индустриализации, секуляризации, — что религиозные возможности просто исчезают. Как и возможность любого «религиознообразного» верования, если даже не метафизического и онтологического, то телеологического и поэтому мифического в «только» культурном, эпистемологическом смысле слова.

Я возражаю против этого тезиса, показывая, что организующая сила метафизической религии — Религии с большой буквы — распространяется и на период позднего капитализма, на промышленную фазу, создающую пролетариат и создаваемую им. Этот новый класс глубоко связан с христианской религиозной верой. Подобно тому, как торговые джен-три и поднимающийся средний класс обратились к пуританскому боже-ству за пониманием нового, возникающего современного порядка и за контролем над своим местом в нем, так и позднее религиозная вера очистила и направила ожидания и надежды нового класса, нарождавшегося в индустриальном обществе. Это позволило его представителям обратить основополагающую критику против капиталистической власти, вообразить экономическую и социальную справедливость и меж-классовые сообщества и требовать, чтобы действие в этом мире приближалось к совершенству Бога.

Различия в месте и времени порождали разные версии этой вдохновленной религией идеологии рабочего класса. Она становилась более или менее радикальной, более или менее секулярной в зависимости от эффективности антикапиталистической идеологии и агитации против консервативных элит. Марксизм представлял более радикальную и секулярную разновидность мирского пролетарского аскетизма, а социал-демократическая версия марксистской политики была гораздо менее радикальной и секулярной, чем ее большевистская форма. Если бы было возможно моральное и политическое преобразование промышленного капитализма без марксизма, оно бы без сомнения состоялось. «Дух социализма» гораздо шире марксизма. Он стал базовым для религиозного развития, из которого выросла современность, как и для западной куль-

туры индивидуальности, сообщества и гражданского саморегулирования.

Если бы я продолжил работу над этой книгой, я стремился бы развить анализ кейсов, исследуя вариации реформ и радикализма, религии и секулярности от реформизма и религиозности американского «экономического» юнионизма до революционного марксизма. При этом я выступал бы против ориентализма, искажавшего взгляд Вебера, против этих шор, в то время только входивших в интеллектуальный фокус. Любая попытка распространить веберовский проект на индустриальную современность и далее должна учитывать параллельные процессы в незападной религиозной и институциональной жизни, возможно, через сочетание множественных современностей Айзенштадта и постколониальной теории.

Но вместо расширения веберовского проекта моя работа приняла другой оборот, решительно удаляясь от него. Проблема оставалась той же: как бросить вызов представлению о том, что индустриализация, секуляризм и современность упразднили мифическое и символическое мышление? Однако вместо того, чтобы заняться Религией с большой буквы, я стал исследовать религию с маленькой буквы, следуя по пути, впервые проложенному в классической теории «поздним Дюркгеймом». Сочетая идеи ритуала, символической классификации и перформанса, я состряпал варево, которое — вместе с рецептами многих других — стало культурной социологией как она существует сегодня.

Тем не менее, этот не пройденный мной путь — первые шаги которого содержатся в публикуемом эссе — до сих пор представляется мне плодотворным. Как культурная социология, созданная со времени написания эссе, могла бы повлиять на эти размышления, — это сюжет, которым следовало бы заняться. Конечно, это предполагает исследование культурных тем, выходящих за рамки Религии с большой буквы, например, секулярных кодов и нарративов, а также традиционной религии, формирующей мотивы, отношения и институты «секулярной» гражданской сферы*.

Я продолжаю настаивать, что к пролетарской агитации за экономическое равенство и классовое включение побуждали не только бедственное экономическое положение, рациональный интерес и утилитаристские рассуждения. Она по существу была связана со смыслом. Новый

* Недавнюю попытку движения в этом направлении см. в: *Davis M. The Mob Club? The London Corresponding Society and Radical Civility in the 1790s // M.T. Davis, P.A. Pickering (eds) / Unrespectable Radicals? Popular Politics in the Age of Reform. Aldershot: Ashgate, 2008. Pp. 21–40.*

рабочий класс желал объяснить собственные страдания и преодолеть их. Его представители создали новый дух, позволивший им придать смысл чуждому, трагически неустойчивому индустриальному миру, вынести о нем моральное суждение и преобразовать его, сделав более гармоничным и этическим. С XIX до середины XX в. эти проблемы, возможно, лучше всего разрешались «духом социализма». Независимо от того, как их сегодня именуют, эти неотложные требования справедливости, потребность объяснить страдания и превозмочь их не теряют своей смысловой значимости и в настоящее время.

Перевод с английского А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой